

УДК 316.613:17.022.1

Шкода В.В.

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, ЦЕННОСТИ И ДУХОВНОСТЬ

Постановка проблемы. Предмет размышлений, представленных в этой статье – универсальное и партикулярное. Не в смысле диалектической

логики, то есть анализа категорий, а в аспекте исторической предпочтительности методологического инструментария. Никто, пожалуй, не станет возражать против утверждения, что эта предпочтительность сегодня на стороне партикулярного. Действительно, интерес сосредоточивается ныне на месте (локальности), нежели на пространстве вообще. На частностях, деталях, подробностях, местных условиях, нежели на “идеях” и абстрактных схемах, глобализирующих бытие. Этот сдвиг – напоминает смену парадигм в науке. И так же, как в науке здесь можно указать на породивший его эмпирический базис. Если иметь в виду политические реалии мирового масштаба, то таким эмпирическим базисом является падение советского государства и, как следствие, исчезновение “социалистического лагеря”. Для людей, предпочитающих мыслить в парадигме универсальности, эти события воспринимаются как катастрофа, как шаг назад – уже сформировавшаяся “новая историческая общность” разбежалась по национальным квартирам. Парадигма партикулярности соизмерима с иным восприятием. Здесь на лицо позитивная оценка процесса. Развитие понимается как нарастание многообразия, как дивергенция исходной формы. В результате возникают автономные политические единицы, обретает реальность идея территориального плюрализма.

Этот процесс подтверждается фактами. После исчезновения СССР авторитетные специалисты по политической географии занялись анализом глобальных трансформаций в новейшей истории. Оказалось, что только шестьдесят из нынешних 196 стран существовали в канун XX столетия. Ученые-географы считают, что этот процесс разлома старых сочленений продолжится и в будущем. В ближайшие 20-30 лет на карте мира появятся более трехсот независимых стран.

Анализ последних исследований. Такого рода факты и гипотезы указывают, по моему разумению, на крах универсалистских моделей

политического устройства общества. Имеются в виду две модели – либеральная и социалистическая. В эпоху противостояния двух мировых систем они были представлены, как бы в чистом виде, двумя государствами – США и СССР. Крах социалистической модели – это свершившийся факт. Между тем в отношении либеральной модели дело поначалу представлялось противоположным образом. Поражение социализма трактовалось как неоспоримая победа экономического и политического либерализма. В известной статье “Конец истории?” Френсис Фукуяма писал: “Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив” [1]. В этом, собственно, смысл “конца истории”, как это понимал тогда Ф.Фукуяма, совершив блистательную модернизацию философии Гегеля. Напоминающую, впрочем, современную адаптацию классического романа.

Но сегодня ясно, что и социализм, и западная “идея” – плоды Просвещения. И, стало быть, “поминки по Просвещению” (Джон Грей) следует справлять всей западной цивилизации. А социализм – всего лишь артефакт, неудачный эксперимент, задуманный в идейных недрах этой цивилизации и поставленный на ее окраине. Действительно, в сущности, либерализм и социализм – одно и то же. Эта сущность – *Homo economicus*. Это – опора на разум, науку, расчет, прогноз, план. И полное игнорирование религии и национального начала как якобы отживающих элементов культуры, не способных далее быть факторами общественного развития.

При том, что либерализм и социализм имеют общую природу, не стоит игнорировать различие между ними, особенно в выбранном нами аспекте. Либералам ближе идея локального, ибо их главный принцип – индивидуальная автономия (свобода). Иными словами разум здесь локализован. Каждый индивид преследует собственные интересы, опираясь на стихийно сложившиеся в экономическом общении правила

ігри. В результаті образується розширений порядок людського співробітництва (Ф.Хайек) або діє невидима рука (А.Сміт). Можна утвердити, що нерв лібералізму – це моральні практики. Соціалізм, навпаки, орієнтований на загальний розум або науку. Вважається, що існують об'єктивні закони розвитку, досягнувши яких люди можуть свідомо побудувати добре організоване, суспільство, в якому продумано все до найменших деталей, а стихійне і випадкове зведено до мінімуму.

Результати дослідження і їх обговорення. Сьогодні зростає інтерес до культурного різноманітності як фундаментальної цінності. По всьому світу посилено розкривають свої дослідження антропологі, етнографі, культурологі і інші. Чи не свідчить це про закореніння в науковому свідомості парадигми партикулярності. Відмовляючись мислити в категоріях блоків, світових систем і супердержав, тобто універсалізму, люди навчаться сприймати планету як багату мозаїку етносів. При такому сприйнятті релігія і національне початок стають в центрі уваги. На перший план висувається тут і тема духовності. На мій погляд, саме етнос відкриває перед індивідом перспективи справжньої духовності. Лібералізм і соціалізм як раціональні конструкції, як образи життя бездуховні. Це – плоди розуму, а точніше, соціально-технологічного мислення.

Планета – мозаїка етносів, так, по-видимому, бачать її антиглобалісти. Якщо це дійсно так, можна зрозуміти їх умонастроєння. Вони відчувають небезпеку стандартизації, що веде до однорідності, небезпеку втрати унікальності в своїй самобутності культурних одиниць. Хоча процес глобалізації зупинити неможливо, філософія антиглобалізму цілком виправдана, як виправдані взагалі консерватизм. Її цінність – стримуюче початок. В умовах

повышенной технологической и социальной динамики, быстрой модернизации во всем мире, с переходом к обществу риска требуется осмотрительность и осторожность. Чтобы обеспечить устойчивое развитие, предпочтительнее становится преемственность в культурной жизни, нежели разрывы, как следствие спонтанных и непродуманных новаций.

Любопытно, что принцип локальности, партикулярное мышление вообще проявляется не только в движении к этническому самоопределению, но и в феномене регионализма. Эта тема может быть развита с опорой на украинские реалии. В начале февраля 2008 года в Харькове обсуждалось предложение народного депутата Александра Фельдмана присвоить городу статус свободной экономической зоны, территории приоритетного развития и центра «Еврорегиона» на границе Украины и России. Подготовлен законопроект, в котором подробно детализирована идея. На первый взгляд, цель этой инициативы, какие бы рассуждения ее не сопровождали, – децентрализация власти. Но это – узкий, политологический взгляд. В философской перспективе подлинная и высшая цель – освобождение. Люди дела хотят свободы. Для себя, а главное – для своего дела, которое, по сути, является делом нации. Экономическая территориализация (З.Бауман) – это путь к справедливости такого уровня, который недостижим при жесткой централизации власти. Возможно, мы являемся свидетелями возвращения к забытому ныне типу человеческого объединения – городской общине.

Вернемся, однако, к духовности и ценностям. Тезис о бездуховности двух проектов эпохи Просвещения – либерализма и социализма нуждается в прояснении. Понятно, что оба проекта выпячивают на первый план науку, игнорируя значимость религии и национального начала. Эти элементы культуры считаются несовместимыми с разумом. Ибо разум един, мышление инвариантно по отношению к многообразию культур – религий, этнических картин мира, образов жизни. И законы природы (универсума) едины, то есть,

неизменны относительно разнообразных «мест». Отсюда образ одномерного (умствующего) человека. Его цель – эксплуатация природы с опорой на науку и технику. Считается, что стремление к улучшению материального положения заложено в природе человека. Таков его удел – непрерывно совершенствовать средства и способы адаптации к среде обитания в ускоряющемся темпе. И захваченный этим увлекательным предприятием, человек «не будет слушать призывы быть скромным и довольствоваться малым» [2]. Иначе говоря, он будет игнорировать сдерживающее начало религии и традиции.

Здесь надо отметить одну особенность технологически развитых обществ, благодаря которой наука по отношению к религии находится в преимущественном положении. Теперь ее главный аргумент не рассуждения о тайнах мироздания, что в принципе не удаляет науку от религии, а наукоемкая техника. На производстве и в быту человеку приходится осваивать сложные устройства и приборы. Руководства по их эксплуатации напоминают научные трактаты, переведенные в операционный план. Наука сращивается с бизнесом, с технологиями по сохранению здоровья и участвует в изобретении новых потребностей, постоянно растущих только потому, что кому-то это надо. Потребителя окружает масса впечатляющих но ненужных вещей. Этот аргумент от практической полезности поддерживает высокий престиж науки в глазах человека массы. Хотя мировоззренческая роль науки сегодня сведена на нет.

Последствия такого выбора печальны. Духовную жизнь в этих обществах все чаще определяют несимпатичными выражениями, вроде “эра пустоты” (Ж.Липовецки), “конец уверенности” (И.Пригожин) и т.п. Человек массы все явственнее ощущает свое одиночество, растерянность перед плюралистической открытостью, отрыв от ушедших в прошлое ценностно насыщенных Больших проектов (идеологий). Его удел – наслаждаться

плотскими радостями, потреблять, потреблять и потреблять. И все-таки растет число людей, несогласных с таким ходом вещей. Появляются общественные движения, лидеры которых призывают остановиться пока не поздно, искать иных путей, может быть, обратиться к духовным практикам Востока, где ценится простота жизни и сохраняется гармония человека и природы. Возможно, сосуществование сегодня этих противоположных устремлений не является исторически уникальным. Почему бы не признать, что так было всегда, что так проявляется природа человека, в которой постоянно борются сакральное и профанное. Действительно, Сократ в “Государстве” при умственном конструировании совершенного строя предлагает в начале модель “здорового” государства, в котором люди заняты простым, легким трудом, едят простую пищу и “воспевают богов, радостно общаясь друг с другом”. Собеседники Сократа, – жители Афин, категорически не приемлют эту модель. Они привыкли к пресыщенной, роскошной жизни. И тогда Сократу приходится рассматривать государство, которое, “лихорадит”, а в моей терминологии, общество суеты или общество избыточного многообразия. В конце концов, Сократу удается обыграть своих собеседников и измыслить государство, в котором умеренность и роскошь, сакральное и профанное, как бы разведены по разным социальным группам. Правят в нем философы и воины – аскеты, размышляющие и действующие во имя божественной справедливости. А простой люд, воделеющий материальных благ, пусть себе пребывает в роскоши и предается земным радостям.

Если либерализм и социализм совместимы с образами умствующего индивида и умствующей элиты, то какой образ человека совместим с противоположным проектом, в котором на первом месте религиозное и национальное начала? Или, иначе, как выразить это различие в антропологическом измерении? Ф.Фукуяма решает эту задачу, обратившись к Платону, к его учению о структуре души. Триада Платона

представлена им так: рассудок, тимос, желание. Ф.Фукуяма считает, что общепринятая модель человеческой истории опирается на первый и третий элементы этой структуры. Желание и рассудок – вот что движет индивидом, экономической жизнью и историей в целом. А тимосу в этой модели просто не оказалось места, он забыт. Пафос самой известной книги Ф.Фукуямы “Конец истории и последний человек” – в призыве вернуться к тимосу. Именно эта “часть” души должна стать предметом пристального внимания всего современного обществоведения. У Платона, тимос (Θυμός) сложное понятие. Оно переводится несовместимыми словами – “гнев” и “сердечность”. Или “одушевленность”, “духовность”, или как стремление к мщению, яростный дух. “Тимос” присутствует в контекстах вроде “лишь бы победить”, “либо добиться своего, либо умереть”, “яростный дух всегда и всецело устремлен на то, чтобы взять верх над кем-нибудь, победить и прославиться” [3]. В последствии, благодаря А.Кожеву, тимос любопытным образом оказался связан с признанием – важнейшей, как считал А.Кожев, категорией гегелевской философии. Ф.Фукуяма подхватил эту идею, тогда и вышло, что мы имеем две истории человечества: экономическую, где все завязано на труде, и тимотическую, где все завязано на войне. Мотор истории не экономические интересы, но жажда признания. Если вдуматься в этот дискурс, и вспомнить с каким восхищением относился к тимосу Ф.Ницше, мы почувствуем возвращение мощной и необузданной динамики духа. И мы, на мой взгляд, будем готовы признать, что предельные по жизненной значимости ценности зарождаются здесь – в глубинах тимоса. Те ценности, которые не обсуждаются, которые не совместимы ни с какими компромиссами и договорами, за которые люди готовы отдать жизнь. Это - ценности религиозные и этнические. Итак, искомый образ человека, для которого эти ценности на первом месте, найден. Возможно, он выглядит не в меру воинственным. Но лишь для того, кто вжил в этос секулярного

общества, и для кого слова служение, фундаментализм и войны духа равнозначны фанатизму и экстремизму.

Выводы. Здесь, конечно, следует обратиться к толерантности. Расхожее определение этого понятия – *терпимость* к чужим мнениям, поведению, обычаям. Сегодня в рассуждениях о толерантности чувствуется призыв, и это можно понять. В обществе, которое долгое время воспитывалось в духе непримиримости к «чуждому» мировоззрению, толерантность не может сразу стать основой человеческих отношений. Но идеология призыва опасна упрощенчеством. Уже наметилась тенденция связывать толерантность с готовностью благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей. Если идти в этом направлении, то при абсолютной толерантности воцарится, на мой взгляд, полное равнодушие к собственной культуре. Человек толерантный, признавая чужой образ жизни как имеющий право на существование, не может согласиться с тем, что это правильный образ жизни. Толерантность – это всегда трудно. Но, взяв на себя этот труд, люди получают бесценное вознаграждение – общую свободу.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф.Фукуяма // Вопросы философии.- 1990. – № 3. – С. 43 – 49.
2. Мизес Людвиг ф. Либерализм / Людвиг фон Мизес. – М.: Политиздат, 2001. – 181 с.
3. Платон. Государство / Платон // Сочинения: в 3 т. / Платон. – 1968 – 1972. – Т. 3.; ч.1. – 1971 г. – С. 273 – 276.

АНОТАЦІЯ

Шкода В.В. Культурна різноманітність, цінності і духовність. У статті порівняно два уявлення відносно соціальної реальності в глобальному масштабі: соціалізм і лібералізм, з одного боку, і етнічний плюралізм, з іншого. Для аналізу застосовано поняття “тимос”.

Зазначено, що життєво значущі цінності – релігійні та етнічні – зароджуються в глибинах тимосу.

Ключові слова. Культурна різноманітність, цінності, духовність, парадигма універсальності, модель, толерантність.

АННОТАЦИЯ

Шкода В.В. Культурное разнообразие, ценности и духовность. В статье сопоставляются два представления о социальной реальности в глобальном масштабе: социализм и либерализм, с одной стороны, и этнический плюрализм, с другой. К анализу привлечено понятие «тимос». Показано, что предельные по жизненной значимости ценности – религиозные и этнические, зарождаются в глубинах тимоса.

Ключевые слова. Культурное разнообразие, ценности, духовность, парадигма универсальности, модель, толерантность.

SUMMARY

Shkoda V.V. the Cultural diversity, values and spirituality. Two conceptions of social reality on the global scale: socialism and liberalism, on the one hand, and ethnic pluralism, on the other hand, are compared in the article. The notion “thymos” are drawn to the analysis. It is shown that top values according to vital significance – religious and ethnic ones – originate in the depths of thymos.

Key words. Cultural diversity, values, spirituality, the paradigm of universality, model, tolerance.